
РАЗДЕЛ 3.

**ЛЕРМОНТОВСКИЙ ДИСКУРС
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Л. Н. Рягузова¹

**РОМАНЫ А. А. ШИШКОВА
«КЕТЕВАНА, ИЛИ ГРУЗИЯ В 1812 ГОДУ»
И М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»:
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Роман А. А. Шишкова рассмотрен как претекст романа Лермонтова, в котором предугаданы его образная философия, бинарное единство автора и героя, типы «кавказца», «героя-времени», «рассказчика-путешественника», мотивирующего сюжета.

Ключевые слова: *реминисценция, интертекст, контекст, историко-литературные параллели, типы кавказца, героя времени.*

Трагические судьбы двух авторов, «бесприютных сынов вольности», по выражению Шишкова, сосланных в разное время на Кавказ и насильственно убитых (Шишков был зарезан в Твери в Дворянском собрании поручиком Черновым во время ссоры), более сходны, чем судьба их творческого наследия: одного – известного теперь узкому кругу специалистов, и другого – ставшего «привычкой русского сознания» (В. Набоков). «Сын беды, сын изгнания», «одинокий гость на пиру жизни», Шишков предвосхищает «лермонтовский элемент» в поэзии. Вся его жизнь – поединок, отстаивание личной независимости, «року буйственный укор». Один из поэтов так и остался навсегда капитаном Шишковым, вне мифологической реф-

---

¹ *РЯГУЗОВА Людмила Николаевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: logos@phil.kubsu.ru.

лекции творчества, другой «давно произведен из поручиков в генералы», по словам А. Битова, в пророки и гении. Одним словом, «фигура трансисторическая, астральная» [4, с. 305].

В незаконченном романе Шишкова о Грузии (обнаруженном в рукописях убитого поэта и опубликованном комиссией Императорской Академии наук по его творческому наследию в четырехтомном собрании сочинений в 1834–1835 годах) прочитывается возможная версия судьбы печоринских рукописей. Прозаические опыты Шишкова можно рассматривать как претекст или фон, питательную среду известного романа Лермонтова (по аналогии с утверждением В. М. Жирмунского, писавшего, что для воссоздания литературной атмосферы поэм Лермонтова необходимо их сопоставить с какой-нибудь «Дагестанской узницей» Шишкова...)» [1, с. 206]. Однако, справедливости ради, стоит сказать, что во времена Шишкова критики, как нигде прежде, на этом «неизбитом поприще» видели возможности для начинающих авторов: «Между романистами нет, как бывало в других случаях, одного главы и толпы подражателей; нет того огромного расстояния, которое отделяло первого от последних, теперь более равенства и различие только во времени» [6, с. 353–373].

Шишков вошел в историко-литературное сознание как поэт пушкинской поры («Шалун, увенчатый Эратой и Венерой»), его лермонтовские реминисценции менее изучены [5]. Ретроспективно-проекционный (В. Виноградов) метод прочтения позволяет выявить генетическую связь двух романов, бросая «отраженный свет назад», по выражению А. Бема, «от конца к началу»: к онтологии и эстетике Шишкова, в которой предугаданы некоторые открытия лермонтовской психологической прозы, бинарное единство автора и героя, типы «кавказца», «героя времени», рассказчика-путешественника, хроникера и очевидца, мотивирующего сюжет. Социальная обусловленность событий, яркость бытового письма, достижения художественного историзма и образная философия сближают романы Шишкова и Лермонтова. «Кетевану», правда, отличает больший эклектизм и поджанровая пестрота (поэма, «перечень писем», путевые очерки). Элементы стиля романа еще отчетливо разделены, суммарно сочетаются, не переплавлены органично в единую картину мира, как у Лермонтова.

Круг идей, связанных с оценкой российской государственности и судьбой кавказских народов, ставит «Кетевану» Шиш-

кова в один ряд не только с романами о героях времени, но и кавказской романтической прозой («Радамист и Зинобия» А. С. Грибоедова), с романом В. Т. Нарезного «Черный год, или горские князья» (1829) – первым романом о Кавказе, с которым чаще других сравнивали «Кетевану». Роман Нарезного авантюрно-сатирическим тоном, барочным стилем и калейдоскопом приключений, сказочной восточной занимательностью отличается от эстетических принципов романа Шишкова, романа «исторического, политического, бытового, социального с элементами обличительного и психологического» [10, с. 315].

Проблематика романа «Кетевана» уникальна: Шишков оставил единственное в художественной литературе изображение кахетинского бунта, осветив с неожиданной стороны трагедию 1812 года и обнаружив острое социально-политическое звучание «русского» Востока. Центральная тема бунта и народного движения дополнена рядом морально-бытовых и национально-исторических мотивов. Роман вырастает в общественно-культурную атмосферу времени: в его тексте естественно переплавлены сведения из истории Грузии, о быте горцев, огнепоклонниках Баку. И наряду с этим о «магнетизме», занимавшем тогда воображение публики, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, в том числе в журнале «современного просвещения» «Телескоп» [7, с. 367]. Журнальная информация сыграла существенную роль в овладении новым материалом и расширении границ прозаических жанров. В нравоописательных очерках очевидцев даны будничные кавказские картины, этнографизм утверждается как категориальная черта реалистической поэтики: «Поэзия хороша лишь на бумаге. Никто влюбляться не станет с колодкой на шее. Полунагая черкешенка, прикрытая лохмотьями... с босыми ногами и черствыми руками... вызывает животное сострадание» [8].

Новеллистическая структура повествования, мотив путешествия обуславливают непринужденность введения в сюжетное действие различных эпизодов и случайность зачина (встречи героев на горной тропе). Вставные новеллы, лирические отступления дополняют колорит места и времени: это рассказ отца Мамуки о царице Марии, воспоминания солдат о главнокомандующем Цицианове, рассказ Сахметова о царе-

вике Александре и другие замечания, «сказанные некстати в теперешнем случае». Легендарная история русско-грузинских отношений сплетает в единый узел все содержательные мотивы и сюжетные линии романа.

В прозе Шишкова заметно преодоление хроникального характера фабулы и фактографичности, намечен переход календарного времени в художественное, этнографического очерка – в новеллу. «Кетевана», как и в целом роман 1830-х годов, все заметнее распадался на «ряд сцен», походил на «картинную галерею фламандской школы», обретая черты эпичности. Автор обосновывает достоверность своей истории, вводя в ткань повествования голоса различных носителей общественного сознания: грузинских князей и крестьян, русских солдат и офицеров. Оценки и взгляды автора-повествователя и героев не всегда совпадают, он признает правду грузинских князей, недовольных тем, что русские теперь их господа. «Велика эта Россия, сильна, что Персия! И сложи сорок Тифлисов, все не выйдет одной Москвы. А уж Тифлис ли не город!» [12, с. 82], – говорят грузинские крестьяне. В беглых репликах солдат передано сетование на тяжелую службу, их представление о неприятеле: «Видал я их, красноголовых, в схватке: пустой народишко, на первых порах куда как горячи, а после и наутек» [12, с. 99]. В контексте чужеземного бытия по-новому раскрываются возможности художественного самопознания мира российских героев. Голоса из народа получают определенную стилистическую окраску, позволяют проникнуть в круг их понятий. Слуга Лонского Матвей не принимает «неприятные нравы» горцев: «То ли дело на святой Руси, в нашем позимовье? Что здесь за чертовщина? Камень на камне, гора на горе. Да и так ли ездят добрые люди... Тащись шаг за шагом, как грешная душа за покаянием» [11, с. 3]. В разговорах солдат слышен голос здравого рассудка, «иного» мнения: «Разве мало земли у нас, что мы гонимся за этой Грузией? Кажись на что она нам? По шерсти ей собаке и название дано! Православный народ так и грузнет в ней, как в бездонном болоте» [12, с. 99]. Введение просторечия нарушает стилистическое и интонационное единообразие («кажись», «поворотить оглобли», «чай, в горле пересохло»). Через наслаивание мнений автор приближается к многосубъектному повествованию, для передачи

голосов используя традицию устного рассказывания. Однако эффект романного мышления не возникает из-за монологической установки сознания автора.

1830-е годы стали своеобразным итогом тридцатилетней борьбы на Кавказе русской силы с «дикой независимостью». Над жилищем дикой свободы витал «дух мщенья, смерти, страха». Шишков, поэтизируя «храбрых горцев дух великий», отмечает их неприязненные черты – «злобный нрав» и «отчуждение от всех добродетелей». В романе соединен взгляд на Кавказ как с точки зрения победителей, так и с точки зрения побежденных, сопоставлены разные стороны исторической истины. Автор показывает нарастающий «ропот черни – предвестник губельного взрыва». Народное самоуправление и развенчание иллюзии гармоничности естественного состояния показано им в главе «Джамат» («верховное судилище» у лезгин, собрание старейшин, их «закон нравственного возмездия», когда по древнему обычаю жертву забивают камнями или метким выстрелом)¹ [13].

Единство структуры автора не нарушает фигура главного героя. В неоконченном романе характер Лонского только намечен, остается таинственным в преддверии интриги, судьба его в отличие от Печорина, недосказана. Парадокс романтической индивидуализации заключается в том, что близость автора к герою ведет к лирически обобщенному изображению одной из моделей «образа личности», ограничивает проникновение в сферу «внутреннего человека». Лирическое чувство в судьбу заменяет подробный социально-психологический комментарий, хотя и намечена тенденция к объективации героя, самостоятельно мыслящего, но пока не действующего. По сложившимся жанровым канонам, герой молод («робкий

¹ Поэтически обобщены черты кавказских народов в романе «Кетевана», их нравы и национальный дух представлены в «лицах и событиях». «Восточная лютия» Шишкова и в ранних романтических поэмах «Дагестанская узница» и «Лонской», в цикле «Перечень писем из Грузии» не ласкала слух читателя, передавая воинственные напевы горцев, описывая их нищую жизнь. Над жилищем дикой свободы витал «дух мщенья, смерти, страха», автор создает по-пушкински противоречивый образ Кавказа, «гнезда разбойничьих племен», где царит воинственный дух и вольница [см.: 13, с. 4, 11, с. 40–45].

певец досуга»), имеет характер неустоявшийся («не созрел духом»), «пущен без опытности и твердой цели в океан жизни, на произвол судьбы». Он помещен не случайно в иную историческую эпоху и экзотическую установку. Считалось, что «обыкновенной жизни русской недостает на порядочную главу романа» [9, с. 367]. Образ Лонского приземлен, перенесен из «волшебного мира поэзии к прозаической сущности во всей ее прозе и наготe» [12, с. 59]. Любопытна почти дословная перекличка последней фразы с принципами поэтики реалистического романа у Белинского. Лонской переведен в Грузию из коллегии иностранных дел, служит как пунктуальный чиновник, по распоряжению главнокомандующего отправляется в Кахетию «осуществлять надзор за неукоснительным исполнением распоряжений начальства: ему надлежит усилить караулы, удвоить предосторожность военных, наблюдать за поступками князей и дворян» [12, с. 95]. Казенно-деловой стиль усиливает прозаический колорит романа. Печорин – также «странствующий офицер, да еще с подорожной по казенной надобности» – действует больше от своего имени, его служба не предлог, скорее привычная оговорка. Лонской не светский человек, поэт, мечтатель, ведет уединенную жизнь, трудолюбив, скромн, благороден, ироничен, холодновато-сдержан в общении с грузинской знатью. В его душевном портрете намечены противоречия, он чувствует пустоту в сердце, «неясное, но сильное желание наполнить его чем-то существенным» [12, с. 142]. Меланхолический нрав, фаустовская скука роднит его с другими героями времени, но задумчивость и легкая грусть, «темные, печальные предчувствия» далеки от разлада с самим собою и рефлексии «лермонтовского человека». Противоречия страстей и болезнь века слабо проявляются в нем. Романтическое мироощущение внесло в роман несвойственный ему ранее тон, настроение: тоску об утраченном и вечную жажду недостижимого, томление духа. «Владимир погружался в думу, и далеко носились его мысли. Душа его наполнялась тем сладким унынием, которому нет земной причины. Эта грусть не заунывная ли песнь души, томящейся в уздах?..» [12, с. 53]. Элементы, из которых складывается странный образ героя, лишены индивидуально-психологической окраски. Лонский не воспринимает жизнь как «дурное под-

ражание давно известной книге»: будучи поэтом, он ее сочиняет сам. Автор распределяет свои душевные черты между Лонским и капитаном Волгиным, который в большей степени показан со стороны, являясь воплощением нового, входящего в литературу типа «кавказца», бывалого русского офицера, «милого проказника» и «честного человека». Он доволен службой, презрел тщетность славы, умеет радоваться немногому: «холодной бурке в холодную осеннюю ночь, трескучему камельку и благовонному пару вкусных щей. Его желания не простираются далее» [12, с. 243]. Внутренний мир кавказца с некоторой иронией и теплотой обрисован Шишковым в гусаре-дедушке в «Перечне писем из Грузии»: познакомиться с таким типом человека – дело не трудное: несколько стаканов пунша делают его откровенным. «Давно прошедшее» всегда сравнивается им с выгодной стороны с настоящим: «Всякий раз, когда он начинал говорить о своей службе, о своем гнедом, о покойной жене и о недавно разбитой им фарфоровой трубке... то мало-помалу морщины разглаживались с чела его и маленькие глазки наполнялись огнем молодости» [12, с. 53]. Волгин – естественный человек, осуждает притворство и пустоту светской жизни одним своим существованием («наша дорога широка, каждый из нас старается опередить товарища, не сбивая его с ног» [12, с. 142]. Обличение века прагматизма, «экономической любви» переплетается с прославлением суровой, походной, «истинной» жизни. Шишков (близкий к позиции «кавказца») прославляет военное братство: «Мне казалось в молодости, и теперь та же мысль приходит в голову, что эта беззаботная жизнь, это отчуждение себя от общества людей... где издавна приготовлен он к последнему часу не увещаниями алтарей, но утешительным голосом своей совести, где не толстые стены, но громады гор и необозримые степи отделяют его от кровных друзей и родины; где, наконец, он ежеминутно ожидает светлого гения смерти, с которым давно знаком, давно сдружился... Эта жизнь, говорю я, истинная поэзия – она мне памятна!» [12, с. 105].

Поэзия жизни – критерий эстетический и нравственный, в ней заключен не только смысл жизни истинной, но и лирическое самовыражение. Лирические парафразы (*пловец, буря, челн, житейское море*) придают стилю романа черты

орнаментальности и риторики. Правда, по мере повествования исчезают формы прямых авторских высказываний, роль носителя изложения заметно суживается, разрабатываются способы «ухода» в стиль, к безличной форме повествования. Стилиевой строй романа отражает ассоциативность восприятия и конкретно-образную манеру изображения, условный характер выражения психологизма.

В лирике Шишкова категории духовные переданы через атрибуты внешнего действия, например: в стихотворении «Жизнь» (*вперяя очи, брел, терялся, тонул*) идея облечена в зримые, конкретные образы. Стиль аллегоричен, притчеобразен (у Лермонтова сравнения-метафоры свернуты, нет уже таких сложных, многослойных символов). Прием опредмечивания, уподобления, персонификации субъективных состояний в лирике Шишкова закрепится в его психологической прозе. Эта характерная для стилевой манеры автора особенность может быть интерпретирована как своеобразный переход к медитации, аналитизму. Роман Лермонтова считается первым психологическим романом в русской литературе, итогом уже некой повествовательной эволюции, поэтому высказывания Набокова о несовершенстве стиля и «топорных приемах» «Героя нашего времени», хотя и звучат несколько непривычно, обнаруживают большее родство с формирующими его прецедентами.

Стиль прозы Лермонтова Набоков называет неуклюжим, местами заурядным, далеким от изящества. Он выделяет в стиле романа «указательные, знаковые слова», которые «вследствие длительного употребления... скорее обозначают смысл, нежели уточняют его» [3, с. 431]. В частности, среди сотни таких слов-указателей, семантических сигналов или ориентиров, ставших обиходными для русского романа, Набоков называет следующие: *задуматься, подойти, принять вид, молчать, мелькать, невольно, пристально, вдруг, уже, гибкий, мрачный, тусклая бледность*. Подобные «кодовые фразы» переносят в роман скрытый опыт предшественников. У Шишкова эта тенденция прослеживается в создании демонических образов героев (глава «Армянская честность»).

Набоков-переводчик в «Предисловии к “Герою нашего времени” писал о том, что особая роль в композиции кни-

ги отведена подслушиванию, подсматриванию, узнаванию, составляющему столь же неуклюжий, сколь и органичный элемент повествования. Подслушивание в романе Набоков рассматривает как разновидность более общего приема под названием случайность (случайная встреча). Максим Макимович в «Бэле» слышит из-за забора, как мальчик уговаривает башибузука продать ему коня; позднее он же подслушивает сначала под окном, а затем под дверью два решающих объяснения между Печориным и Бэлой («Только стоя за дверью, я мог в щель рассмотреть ее лицо»). В «Тамани» Печорин слышит разговор девушки и слепого, заключительный разговор контрабандистов, а в «Княжне Мэри» он подслушивает и подсматривает восемь раз [3, с. 428–429]. Автор так последовательно использует данный прием на протяжении всей книги, замечает Набоков, что читатель уже не воспринимает его как «странные капризы случая» и едва обращает внимание на эти почти «житейские проявления судьбы» [3, с. 428].

Предметный мир в романе Шишкова, несмотря на символические и очеркообразные черты, пластически осязаем. Пейзаж эмблематичен, экспрессивно-символические черты его оживлены яркой изобразительной деталью, перифрастическим переложением поэтизмов. Перед мысленным взором читателя предстают Алазанские горы в виде подковы; хребет Кавказских гор возвышается величественным амфитеатром (ср.: у Пушкина в «Путешествии в Арзрум» *горы-вассалы, горы-феодалы*). Имитируется цветистость восточной образности. Роскошная долина, пересекаемая Алазанью, напоминает «открытое девственное чело, опоясанное бриллиантовой ниткою» [12, с. 96]. Уже начало романа, по традиции это описание места действия (глава «Кавказ. Пустынники»), поражает простотой и пластичностью рисунка: «Южное голубое небо, подпираемое Кавказскими горами, расстилалось над двуглавым Казбеком, как шелковый полог над четой новобрачных. Лучи палящего солнца скользили по гранитным бокам вековых скал и горели светлым серебром на вершине Эльбороса... Все было тихо, в мертвом сне. И только однообразный топот копыт и крупные капли пота, катящиеся по загоревшим от солнца щекам путешественника, ему напоминали о жизни» [12, с. 2]. Пейзаж приобретает самостоятельное значение, не служит романтическим одухотворенным экви-

валентом душевного состояния героев или предвестником событий. Романтически условный образ Грузии («отчизны роз» и «жилища свободы») принимает предметно-материальные очертания. Метафорика женственного образа Кавказа здесь отлична от «теснящихся вершин» Лермонтова («Сон»), ассоциативно связанных с семантикой ограда, тюрьмы. Хотя в «Тамани» автор прибегает к той же метафорике, что и Шишков: Машук, «как мохнатая персидская шапка», «амфитеатром громоздятся горы», «серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборосом» и др.

У Лермонтова нет пространных этнографических подробностей, сведения путешественника лаконичны (*солнце начинало прятаться за снеговой хребет, приближалась ночь, осень, гололедица, гора около двух верст длины*), привычные метафоры-сравнения вплавлены в пейзаж, отделены от лирических претекстов («..шумит Арагви предо мной»), (пятиглавый Бешту синеет, как «последняя туча рассеянной бури»): «Славное место эта долина, со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные куполами чинар... золотая бахрома снегов, а внизу Арагви... тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своею чешуею». Пейзажные зарисовки, данные в начале романа, рассредоточены в тексте главы [2].

Ретроспективно, через призму предшествующего опыта, в частности прозы А. А. Шишкова, можно рассмотреть достижения романного искусства Лермонтова: обозначить скрытое влияние в нем лирики и журналистики, этнографических, историко-публицистических очерков в развитии темы Кавказа как арены и индикатора русской жизни, раскрыть в контексте чужеземного бытия иные возможности художественного самопознания мира российских героев.

Использованная литература:

1. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л.: Academia, 1924.
2. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1986. Т. 4.
3. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996.
4. Погребная Я. В. Аспекты неомифологизма В. В. Набокова. Автор, герой, образ. Hamburg: Lap Lambert, 2011.

5. Рягузова Л. Н. Творчество А. А. Шишкова (проблематика и эстетические воззрения): дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
6. Телескоп. 1831. Ч. 3. № 11.
7. Телескоп. 1831. Ч. 3.
8. Телескоп. 1832. Ч. 10. № 14. С. 192–211; № 15. С. 348–365.
9. Телескоп. 1833. Ч. 16. № 15.
10. Шадури В. Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии. Тбилиси: Заря Востока, 1951.
11. Шишков А. А. Восточная лютня. СПб., 1824.
12. Шишков А. А. Кетевана, или Грузия в 1812 году // Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова: в 4-х ч. СПб., 1835. Ч. 3.
13. Шишков А. А. Опыты. СПб., 1828.

**THE NOVELS BY A. SHISHKOV «KETEVA
NA, OR GEORGIA IN 1812» AND M. LERMONTOV
«HERO OF OUR TIME»: HISTORICAL AND LITERARY PARALLELS**

RYAGUZOVA, Lyudmila – Dr. Sc. (General linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics), Prof., Department of the History of Russian Literature, Theory of Literature and Critic, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: logos@phil.kubsu.ru

A. Shishkov's novel is viewed as a prequel to M. Lermontov's novel foreseeing its figurative philosophy, binary unity between the author and his hero, and the types of a Caucasian mountaineer, a hero of the time and a travelling narrator that motivates the plot of the novel.

Keywords: *reminiscence, intertext, context, historical and literary parallels, types of a Caucasian mountaineer and hero of the time.*

References:

1. Zhirmunskiy, V. M. *Bayron i Pushkin* (Byron and Pushkin). Leningrad: Academia, 1924.
2. Lermontov, M. Yu. *Geroy nashego vremeni* (Hero of our Time), in *Lermontov M. Yu., Sobraniye sochineniy*, 4 vols., Vol. 4. Moscow: Pravda, 1986.
3. Nabokov, V. V. *Lektsii po russkoy literature* (Lectures on Russian Literature). Moscow: Nezavisimaya gazeta, 1996.
4. Pogrebnyaya, Ya. V. *Aspekty neomifologizma V. V. Nabokova. Avtor, geroy, obraz* (The Aspects of Vladimir Nabokov's Neo-mythologism. Autor, Hero, Image). Hamburg: Lap Lambert, 2011.

5. Ryaguzova, L. N. Tvorchestvo A. A. Shishkova (problematika i esteticheskie vozzreniya) (The Creative Work of Alexander Shishkov (problems and esthetic views)), *Cand. Sc. (Philology) Dissertation*, Moscow, 1994.

6. Teleskop, 1831, Vol. 3, no. 11.

7. Teleskop, 1831, Vol. 3.

8. Teleskop, 1832, Vol. 10, no. 14. pp. 192–211

9. Teleskop, 1833, Vol. 16, no. 15.

10. Shaduri, V., *Drug Pushkina A. A. Shishkov i ego roman o Gruzii* (Alexander Shishkov, the Friend of Alexander Pushkin and His Novell about Georgia). Tbilisi, 1951.

11. Shishkov, A. A. *Vostochnaya lyutnyia* (Eastern Lute), St. Petersburg, 1824.

12. Shishkov, A. A. Ketevana, ili Gruziiya v 1812 godu (Ketevana or Georgia in 1812), in *Sochineniya i perevody kapitana A. A. Shishkova*, 4 vols., Vol. 3, St. Petersburg, 1835.

13. Shishkov, A. A. *Opyty* (Experiences), St. Petersburg, 1828.

Е. Ю. Третьякова¹,
О. В. Спачиль²

«НИКТО ЕЩЕ НЕ ПИСАЛ У НАС ТАКОЮ ПРАВИЛЬНОЮ, ПРЕКРАСНОЮ И БЛАГОУХАННОЮ ПРОЗОЮ»: «ТАМАНЬ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ЭТАЛОННЫЙ ОБРАЗЕЦ РУССКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Обобщая отзывы о выдающихся достоинствах лермонтовской «Тамани», оставленные многими отечественными мастерами слова (Н. В. Гоголь, Д. В. Григорович, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. Н. Толстой, Н. С. Тихонов), авторы исследуют эпическую природу романа «Герой нашего времени». Тем самым поднят вопрос о необходимости воспитывать (активно возрождать) эпическое восприятие мира у современных носителей русского языка. Показана возможность на материале

¹ ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков и литературы Краснодарского государственного университета культуры и искусств, Краснодар, Россия. Электронная почта: drevo_rechi@mail.ru.

² СПАЧИЛЬ Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: spachil.olgao@gmail.com.